

**Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация**

Скотт Фицджеральд: Человек из «потерянного поколения» или американская мечта?

«Он являл собой воплощение американской мечты - молодости, красоты, обеспеченности, раннего успеха - и верил в эти атрибуты так страстно, что наделял их определенным величием».

Эндрю Тернбулл, современник Фицджеральда

Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд (1896-1940) - американский писатель, крупнейший представитель так называемого «потерянного поколения» в литературе.

Наибольшую известность ему принес роман *«Великий Гэтсби»*, опубликованный в 1925 году, а также ряд романов и рассказов об американской «эпохе джаза» 1920-х годов. Термин «эпоха джаза» или «век джаза» был придуман самим Фицджеральдом и обозначал период американской истории с момента окончания Первой мировой войны до великой депрессии 1930-х годов.

Известности автора также способствовала выставленная на «всеобщее обозрение» личная жизнь Фицджеральда с женой Зельдой.

Давайте и мы вместе с читателями **библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попробуем немного больше прикоснуться к жизни и творчеству Скотта Фицджеральда, попутно попытаемся понять, каким был этот человек в жизни и почему о нем и его жене в ту эпоху говорили все и везде: на Пятой авеню в Нью-Йорке, на французской Ривьере и в парижских кафе, где сидели праздные американцы, изо всех сил приобщавшиеся к богеме.

А говорили они вот что:

- *Слышали, что выкинул недавно Фицджеральд?*
- *А вы знаете, что на днях отколола Зельда?*
- *Что вы говорите?! По-моему, это уже слишком!*

В конце 20-х годов XX века все, абсолютно все имели свое суждение о жизни Зельды и Скотта - художники, написавшие две с половиной картины, но выпившие немало виски, и их подруги с тонкими талиями и томными манерами; поэты, вдохновенно рифмующие «кровь» и «любовь» в сотом стихотворении подряд, и их жены, подозревавшие, что все эти крови-любови адресованы Зельде Фицджеральд; писатели, искренне считавшие себя ничуть не хуже, чем Скотт Фицджеральд, и досадовавшие, что издатели не торопятся разделить их точку зрения; юные девы, мечтавшие о киноролях, и их толстые мамы, грезившие о богатых зятях. И все считали себя вправе высказывать свое мнение вслух.

Они стали расхожей темой светской беседы: погода на Лазурном берегу, курс французского франка, действия большевиков в России - и количество выпитого вчера в отеле «Ритц» Скоттом, и как Зельда (вы видели?!) весь вечер рисовала на бумажных салфетках пионы.

- *...Нарисовала триста пионов и потребовала, чтобы официант принес ей еще салфеток.*

- *Пионы? Почему пионы?*

- *Ну как же, пионы - ее любимые цветы! Она помешана на пионах.*

- *А, по-моему, она просто помешана...*

С 1920 года, после выхода в свет первого романа Фицджеральда «*По эту сторону рая*», газетчики не спускали с них глаз. Разделы светской хроники стали, по сути, хроникой их семейной жизни:

-Сегодня ночью мистер Фицджеральд с супругой предприняли необычную экскурсию по Манхэттену. Поймав такси на углу Бродвея и 42-й улицы, они сели в салон на заднее сиденье. Но уже в районе Пятой авеню им показалось, что так ехать неудобно, и потребовав у водителя остановиться, они изменили свое положение: мистер Фицджеральд забрался на крышу машины, а миссис Фиджеральд - на ее капот. После чего приказали ехать дальше...

Или:

-На днях общественность Нью-Йорка искренне взволнована внезапным исчезновением четы Фицджеральд: покинув и субботу вечером свой особняк на Лонг-Айленде, дабы ехать в Манхэттен, они не появились там ни в воскресенье утром, ни в понедельник, ни во вторник днем... Нашли их лишь в четверг утром в весьма обшарпанном отеле в Нью-Джерси. И мистер Фицджеральд, и Зельда были не в состоянии припомнить, как они провели эти четыре дня, сколько выпили и как оказались в Нью-Джерси...

-...Он разделся на спектакле «Скандалы» - остался практически без всего!..

-...Она купалась в фонтане...

- ...Он сбил с ног полисмена в Уэбстер-холле...

-... Она бросилась в ресторане с лестницы...

Все это было правдой: Скотт действительно много пил, а Зельда в самом деле обожала пионы. Это были ее любимые цветы.

Своенравная Зельда Сейер

Они росли в саду ее родителей в городе Монтгомери, штат Алабама, где она родилась в 1900 году - шестым и последним ребенком в семье **Минни** и **Энтони Сейер**.

Ее матушка, будучи беременной, читала какой-то роман, в котором царила цыганка Зельда. Так родившаяся девочка стала Зельдой, хотя до нее в Монтгомери никто не подозревал, что так можно называть детей. Энтони был тоже слегка удивлен, но спорить не стал. Он так давно жил со своей женой, что научился благоразумно закрывать глаза на некоторые ее прихоти. А для соседок это стало лишним поводом посудачить, что Минни - натура взбалмошная и никогда нельзя с точностью сказать, что она выкинет в следующий раз.

Однако даже самые невоздержанные на язык жители Монтгомери предпочитали держать эти мысли при себе и с Сейерами не ссориться: Энтони был человеком рассудительным, степенным и спокойным, да к тому же весьма влиятельным. Шутка ли - судья штата! Он и его эмоциональная, взвинченная женушка отлично дополняют друг друга.

В 9 лет Зельда начала заниматься балетом и делала успехи. А кроме танцев увлекалась плаванием, модой и мальчиками, Прыгала в воду «ласточкой» с самой высокой вышки. Хохотала, стреляла глазками, рисовала шляпки на полях школьных тетрадок. Пропускала мимо ушей наставления отца. Читала те же романы, что и мать.

У нее на всю жизнь сохранились легкий акцент южанки и хорошие манеры, свойственные уроженкам американского Юга. И ничего более. Ни застенчивостью, ни сдержанностью, которыми так славились и так гордились южане, юная Зельда не отличалась. Правила предписывали ей быть послушной и тихой - а она росла независимой, отчаянной и абсолютно не способной думать о ком-нибудь, кроме себя самой. И, если ей того хотелось, могла просто-напросто наплевать на все правила и моральные принципы на свете.

Чувствую, что вот-вот полюблю...

Зельда окончила колледж и была признана самой красивой выпускницей города. А месяц спустя, на вечеринке в клубе, она познакомилась с молодым человеком, который решительно отличался как от тех мальчишек, которые неуклюже пытались обратить на себя ее внимание, так и от тех мужчин, которые сально осматривали ее с головы до ног, непременно задерживая взгляд на груди.

Он был необычайно хорош собой, в военной форме, и представился ей, щелкнув каблуками: младший лейтенант 67-го пехотного полка Фрэнсис Скотт Фицджеральд.

- *Ваш полк находится где-то неподалеку?* - вежливо спросила она.

- *Да, мы расквартированы в лагере «Шеридан», всего пара миль от вас,* - ответил он и пригласил ее на танец.

Потом они говорили о поэзии («Вы любите Китса?») - «О да, он настоящий поэт!», о любви («Вы уже любили когда-нибудь всерьез?») - «Нет, но чувствую, что вот-вот полюблю...»), о соблазнах, которых, как они оба полагали, вокруг великое множество. Ей было без малого 18, ему - 22...

Все лето они не расставались, и Скотт рассказал ей, что на самом деле он - писатель, и скорее всего великий, а лейтенантом стал просто от отвращения к учебе в Принстоне.

Выделиться во что бы то ни стало

Это было совершеннейшей правдой - как и то, что родители Скотта, проживающие в Сен-Поле, штат Миннесота, узнали о том, что он бросил Принстон, с большим опозданием. Они были небогатыми, зато очень серьезными людьми, и его решение их сильно огорчило. К тому же они были ревностными католиками - и отец, **Эдвард Фицджеральд**, и мать, **Мери Маквиллан**, которую все почему-то звали Молли. Молли очень хотела видеть своего сына в рядах служителей церкви и даже отправила его учиться в Нью-Джерси, в католический колледж.

Скотт, однако, мечтал о другом: он с ума сходил по футболу и писал о нем стихи. Собственно, из-за футбола он и поступил в Принстон. Поехал как-то на матч, где команда Принстона играла с командой Йеля, и, после того как увидел игру Сэма Уайта, сделал свой выбор. В его записной книжке долго хранился билет на этот матч, на котором Фицджеральд написал: *«Сэм Уайт забил гол и склонил меня в сторону Принстона»*.

А оказавшись в Принстоне, Скотт с самого начала решил для себя, что учеба скучна и не заслуживает особого внимания, и первым делом записался в футбольную команду, откуда его выставили через две недели как неперспективного.

Однако вести ничем не примечательную жизнь бедного послушного студента - тем более что вокруг были мальчики из гораздо более состоятельных семей - Скотт решительным образом не желал. Ему нужно было выделиться во что бы то ни стало. Привлечь к себе внимание. Доказать, что он не хуже, а даже лучше всех этих закоренелых зубрил и снобов.

Для этого у Скотта Фицджеральда было в запасе одно средство: сочинительство. Еще в школе, написав как-то детективный рассказ о шефе полицейского участка и поместив его в стенгазете, Скотт на какое-то время стал звездой класса. И понял, что это работает. Теперь в Принстоне Фицджеральд снова взялся за перо.

Скотт публиковал свои юмористические рассказы в студенческих журналах, писал пьесы для принстонского театра, и эти пьесы раз за разом побеждали на университетских конкурсах и принимались к постановке. Правда, полного удовлетворения это не приносило: Скотту было мало лавров авторства, ему так хотелось самому играть на сцене! Однако педсовет Принстона не подпускал двоечников к театру.

И в конце концов после того, как его отчислили по болезни и восстановили на следующий год, после того, как он оказался на курс младше своих друзей, после того, как понял, что для сдачи экзаменов и получения диплома он должен умереть над учебниками во цвете лет, а иначе ничего, кроме «двойки», ему не поставят... - в общем, Скотт отчаялся, впал в романтическое расположение духа и решил, что лучше умереть на поле боя Первой мировой войны.

То есть, проще говоря, плюнул на Принстон и в 1917 году ушел добровольцем в американскую армию. Скотт был уверен, что его тут же отправят на фронт, а там, конечно, немедленно убьют. И, чтобы успеть оставить хоть какой-то след на земле, на всякий случай отправил в издательство рукопись своего романа *«Романтический эгоист»*.

Однако рукопись вскоре вернули (правда, с утешительным пожеланием переделать ее, а не выбросить в корзину), а самого автора вместо фронта отправили в учебный лагерь «Шеридан», расположенный в непосредственной близости от прекрасной Зельды Сейер...

...В конце того памятного лета она сказала, что любит его. Но до помолвки было еще далеко. Вмешался папа-судья: ему сообщили, что этот красавчик-лейтенант не дурак выпить. Вмешалась мама, которую, несмотря на всю взбалмошность характера, посетили вполне реалистические мысли: этот красивый юноша - писатель? А что ее девочка будет кушать?..

Сама же Зельда сообщила Скотту, что, несмотря на всю любовь, его все-таки могут отправить на фронт и убить. Что тогда делать помолвленной Зельде?..

Однако тут - очень кстати - Первая мировая война закончилась. И родители скрепя сердце дали согласие на помолвку - при условии, что свадьба состоится не раньше, чем Скотт как минимум устроится на приличную работу.

Я влюблен в ураган...

Безумно влюбленный, он уехал в Нью-Йорк. Поступил на службу в рекламное агентство при городской железной дороге. Носил костюмы довоенного покроя и сторонился принстонских приятелей, одевавшихся по последней моде. Заложил в ломбард полевой бинокль. Отдал официанту на чай последний «квотер» (25 центов).

Снимал жалкие комнатенки, писал веселые рассказы. На первый гонорар (30 долларов) купил ярко-красный веер из перьев и послал его любимой Зельде в Алабаму. Написал ей в письме: *«Я ступил на дорогу успеха и амбиций и надеюсь, что скоро ты, моя дорогая, пойдешь по ней вместе со мной»*.

А в марте 1919 года он отправил ей по почте золотое кольцо. Неважно, скольких ужинов Скотт лишил себя, чтобы его купить. Важно, что Зельда Сейер его приняла, а значит, ее намерения были по-прежнему в силе!

Но Зельда Сейер оставалась Зельдой Сейер. Она писала Скотту Фицджеральду письма, полные любви, и кокетничала направо и налево со всеми мужчинами Монтгомери, потому что просто не могла жить иначе. Однажды она так увлеклась неким игроком в гольф, что поехала с ним на турнир в Атланту. На прощание этот игрок подарил ей самое дорогое, что у него было - булавку с эмблемой своего колледжа. Зельда же, приехав домой и одумавшись, решила вернуть ему эту булавку с припиской, что не может ее принять. Но по рассеянности (или по привычке) написала на конверте нью-йоркский адрес Скотта.

Что испытал Фицджеральд, получив это странное послание, не поддается описанию! На следующий день он уже был в Монтгомери и угрожал, умолял, требовал, чтобы Зельда немедленно вышла за него замуж. В противном случае - Скотт был в этом совершенно уверен! - она так же «случайно» выйдет замуж за очередного любителя гольфа и будет несчастна всю жизнь, потому что он, Скотт Фицджеральд, тут же покончит с собой. Но Зельда сказала: *«Нет, нет и нет! Лучше уж ты покончишь с собой, чем мы вместе умрем от голода при твоём жалованье!»* И Скотт уехал с разбитым сердцем и

золотым колечком в кармане. Последнее означало, что помолвка расторгнута, и любимой девушки у него больше нет.

Вернувшись, он написал в дневнике: *«Я влюблен в ураган... Но я влюблен! Я люблю ее, я люблю ее, я ее люблю!»* Фицджеральд тут же уволился из рекламного агентства, покинул Нью-Йорк и засел у себя дома, в Сен-Поле, за переделку романа - того самого, что написал еще в Припстоне, перед тем как решился умереть за родину на войне.

Зельда между тем все лето 1919 года провела на балах и в плавательных бассейнах и стала еще более привлекательной и еще более раскрепощенной. Когда однажды ей показалось, что в купальном костюме неудобно нырять, она просто-напросто сняла его - и прыгнула с вышки голой.

Мужчины Монтгомери готовы были биться об заклад, что ни одна девушка в истории штата не делала ничего подобного, и спешили пополнить собой ряды ее поклонников. Однако когда через пять месяцев стоического молчания из Сен-Пола пришло письмо, в котором Скотт писал, что любит ее по-прежнему и хотел бы приехать в Монтгомери с единственной целью - увидеть ее, Зельда ответила немедленно: *«Конечно, приезжай! Я безумно рада, что мы встретимся, и я хочу этого безумно, о чем ты, должно быть, знаешь!»* Интересно, как он мог об этом знать?

В начале 1920 года на Фицджеральда обрушилось счастье. Его роман, который назывался теперь *«По эту сторону рая»* и который он наполнил всей болью и всей любовью, что успел к тому времени пережить, был принят к публикации и вышел 26 марта. На следующий день Фрэнсис Скотт Фицджеральд проснулся не только знаменитым, но и богатым - и через неделю женился на Зельде. Судья штата Алабама больше не возражал против брака дочери, но на свадьбу не приехал. Впрочем, и жениху, и невесте не было до этого совершенно никакого дела.

Зачем всю жизнь работать и думать о деньгах?

Начинался Век джаза. Мир пришел в движение. Мир узнал, что была война и смерть, а значит, это может повториться, и нельзя откладывать на завтра те удовольствия и радости, которые ты можешь вырвать у жизни сейчас.

И к черту условности! К черту заповеди и мораль, раз они никого не спасли на полях Первой мировой! Рвущийся на волю технический прогресс уносил из-под ног остатки твердой почвы, а льющееся рекой виски смывало остатки здравого смысла. Нью-Йорк вдруг наполнился девочками, которые пили, курили и до упаду танцевали чарльстон, и молодыми мужчинами, готовыми с ними этот чарльстон танцевать.

И это было так по душе Зельде! Во-первых, чарльстон она танцевала прекрасно. А во-вторых, это было ее время! Как-то, будучи еще девочкой и находясь под впечатлением подслушанной родительской беседы о финансах, она рассматривала семейный альбом с фотографиями, и вдруг ей в голову пришел стишок, который она тут же записала под собственным снимком: *«Зачем всю жизнь работать и думать о деньгах? Займи немножко денег, потрать их и живи сейчас!»* Прошли годы - и тут в начале 20-х вся нация заговорила словами Зельды Фицджеральд!

Им не пришлось ничего менять в себе, чтобы вписаться в этот век. Век изменился сам и принял аккуратные, точеные формы Зельды и облик Скотта, который прекрасно одевался, носил элегантные шляпы, что было несвойственно писателям, и не имел распространенной среди литераторов привычки сутулиться. Он стал королем молодой Америки, она - королевой.

Они поздно просыпались, завтракали сандвичами с оливками, запивая их виски «Бушмилл», а к вечеру выходили из дома и шли из одного ресторана в другой, от одних друзей к другим, от одной отыгранной шалости к новой. Именно тогда они прокатились верхом на такси - потому что им так захотелось. Именно тогда она искупалась в фонтане -

потому что ей стало жарко. Именно тогда он вздумал раздеться в театре. Почему? А кто его знает!

И, конечно, брак не сделал их скучными супругами. Зельда по-прежнему флиртовала со всеми подряд, и Скотт по-прежнему безумно ее ревновал. Везде, где они появлялись, воздух немедленно пропитывался какой-то яркой, сияющей энергией секса, желания, страсти. И все, кто мог еще соображать после выпитого, чувствовали: это что-то совершенно подлинное, настоящее, истинное, а не придуманное от тоски.

Фицджеральдами восторгались все. И больше всего те, кто потом будет их клеймить и осуждать - за то, что Зельда и Скотт были самыми лучшими из худших, что самые скверные проделки им удавались великолепно, а остальным приходилось довольствоваться жалкими попытками повторить их блистательный кураж.

Дочку рожать они уехали к нему домой, в Сен-Пол. Отойдя от анестезии, Зельда сказала Скотту: *«Кажется, я пьяна... А что наша малышка? Надеюсь, она прекрасна и глупа...»* После чего снова погрузилась в сон. Девочку назвали как папу - Франс Скотт и всегда звали ее ласково Скотти. Что до воспитания, то Зельда исповедовала один принцип: *«Я не хочу, чтобы она выросла серьезной, и не хочу, чтобы она стала великой. Пусть будет богата и счастлива, вот и все!»* И, наняв для Скотти няню, они все вместе вернулись в Нью-Йорк - точнее, в его респектабельные окрестности, в Грейт-Нек, - и с новой силой бросились в тот же джаз, подтверждая свою репутацию бесшабашных прожигателей роскошной жизни.

И это было только начало

Однако что-то уже начало меняться - и во времени, и в них самих. Скотт продолжал писать о любви и успехе, а когда критики спрашивали его, почему так узок круг его тем, отвечал с обескураживающей откровенностью: *«Но, Боже мой, это же единственное, что мне доподлинно известно!»*

Зельда продолжала кокетничать, но сильно поправилась после родов, и потому в ее кокетстве уже не было искренности, а лишь желание доказать свое прежнее магическое воздействие на мужчин. Он все так же ревновал, но теперь это больше походило на обычную злость.

И он до обидного мало писал - видимо, оттого что садиться за рабочий стол мог исключительно в трезвом состоянии, а такое случалось с ним все реже и реже. От всего этого, захватив с собой Скотти и няню, они сбежали на французскую Ривьеру, где он взялся за «Великого Гэтсби», а потом в Париж.

Правда, между этими двумя поездками произошло одно событие, о котором они предпочитали не говорить никому, включая самых близких друзей: Зельда влюбилась. Его звали **Эдуард Жозан**, он был француз, красавец, летчик. И когда Жозан исчез из ее жизни навсегда, она предприняла попытку самоубийства, наглотавшись снотворного. И это было только начало.

Какие-то странности в ее поведении можно было, наверное, заметить и раньше. Она могла устроить истерику из-за пустяка и даже безо всякого повода.

-Скотт! Ты не налил мне виски! Может быть, ты считаешь, что пить в этом доме можешь только ты?!» «Скотт! Отчего ты сказал мне вчера, что... Нет, ты сказал это, сказал! Я помню! Я что, по-твоему, ни черта не помню?!

Зачатки ее безумия давно стали бы ему заметны, не происходи они на столь странном фоне их жизни, где патология являлась чуть ли не нормой. В конце концов, разве сам Скотт, стоя на подоконнике раскрытого окна, не обещал **Джеймсу Джойсу**, что сейчас выбросится вниз, потому что Джойс написал *«Улисс»*, самую великую из всех великих книг? И разве не он как-то устроил отвратительный дебош в полицейском участке Канн?

Однако скоро стало очевидно, что с Зельдой действительно что-то не так. Об этом твердил **Хемингуэй**, который ее недолюбливал и считал виновной в том, что Фицджеральд пишет мало, редко и украдкой, - а все оттого, что Зельда просто-напросто ревнует мужа к славе и под любым предлогом выволакивает его из-за стола в кабак. Зельда в свою очередь называла Хемингуэя «*позером*», «*мыльным пузырем*» и часто разговаривала с ним зловещим шепотом, сверкая глазами (Хэм называл их «ястребиными» и страшно пугался).

В августе 25-го о состоянии психики Зельды заговорил весь Париж - как раз после того, как она бросилась с лестницы в одном из известных ресторанов. Они ужинали, он, как обычно, заказал себе устриц... И вдруг заметил за соседним столиком **Айседору Дункан**.

- Дорогая, - сказал он Зельде, - вон сидит великая танцовщица. Я хочу поприветствовать ее.

Она кивнула, по губы ее при этом сжались в прямую линию (потом он научится по этим прямым губам определять начало очередного приступа). Как только он встал, Зельда тоже вскочила, направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, дошла до середины - и бросилась вниз. Все были уверены, что она погибла, сломав себе позвоночник... Но она отделалась одним-единственным ушибом.

Чуть позже в Голливуде Зельда заподозрила его в любви к 18-летней девчонке, актрисе **Луис Моран**. Он и в самом деле был увлечен, но совсем не так сильно, как она это восприняла, а Зельда отреагировала так, как будто сама ни разу в жизни не смотрела на другого мужчину. И, наплевав на контракт Скотта, Зельда увезла мужа из Голливуда тут же, немедленно! И громко кричала на него в поезде, и зачем-то выбросила в окно платиновые часы с бриллиантами, которые он подарил ей десять лет назад...

Потом она решила, что наскучила Скотту, потому что ничем не занимается и не ведет насыщенную творческую жизнь. Снова, как в детстве, занялась балетом. Начала рисовать. Перестала есть, чтобы, наконец, сбросить вес. А потом вдруг сказала ему, что их старые друзья хотят всех убить: и ее, и его, и их дочку Скотти...

И еще сказала, что не хочет двигаться. Ни ходить, ни шевелить руками, ни даже поднимать брови... Только сидеть и слушать голоса. Какие голоса? Разные... А разве он не слышит голоса? Это же они запрещают ей поднимать брови...

В апреле 1930-го с диагнозом «шизофрения», поставленным известным доктором **Оскар Форелом**, Зельда Фицджеральд попала в швейцарскую психиатрическую клинику. Дальше - грустный список болезней: «мания преследования», «нервная экзема», «кататония», «маниакально-депрессивный психоз» - и перечень психиатрических лечебниц, по которым путешествовала теперь миссис Фицджеральд: больница в Балтиморе... госпиталь в Северной Каролине... клиника в Эшвилле...

А он путешествовал за ней, селился в отелях неподалеку от больниц, вел кропотливую переписку с докторами, пытался заработать деньги на лечение жены и на образование Скотти, погружался в запои, влезал в долги, строчил бесконечные рассказы, которые ненавидел, но вынужден был подписывать своим именем, ибо его имя еще обеспечивало им публикацию...

Какое-то время он надеялся, что ее болезнь окончится, пройдет сама собой. Пытался забирать ее из больниц. Думал, вернее, не мог избавиться от мысли, что причина безумия Зельды - в нарушении обмена веществ, которое она заработала своими диетами, что ее организму просто не хватает или соли, или железа, или какого-нибудь другого вещества...

Мучительно сомневался - не он ли причина ее сумасшествия?.. Ведь в своих романах Скотт описывал только ее, потому что только ее одну по-настоящему знал, по-настоящему любил, только она одна казалась ему по-настоящему достойной внимания. И при этом бесконечно множил ее личность. Может быть, поэтому, читая про себя в его

романах, Зельде было уже трудно понять, где кончается она сама и начинается выдуманная им **Николь Дайвер**?..

Великая депрессия и ящик Пандоры

И, черт возьми, он продолжал ее любить! Даже безумную, даже с этой нервной экземой, покрывшей ее лицо ужасными струпьями, даже выкрикивающую страшные проклятия, полные ненависти...

Он ее любил и тогда, когда в его жизни появлялись другие женщины - а они, конечно, появлялись, потому что Скотту не было еще и сорока, он по-прежнему не сутулился и по-прежнему обладал даром нравиться. Одна из таких женщин, **Беатрис Дэне**, была состоятельной и по-настоящему пленительной дамой из Техаса.

Она предлагала ему новую жизнь, в которой не будет ни хронического безденежья, ни хронического безумия. А он писал ей в ответ, что благодарит за подаренные ему кимоно и теплый свитер, но не может принять предложенную ему другую судьбу, потому что есть Зельда, которую с реальностью связывает только он, Скотт.

И если он оборвет эту связь, она навсегда рухнет в темную пропасть. И он перестанет считать себя достойным какой бы то ни было жизни, не то что новой, счастливой и сытой.

Так что пусть лучше уж у него останется эта, в которой беды продолжают сыпаться на него словно из ящика Пандоры: прыгая в воду, Скотт ломает ключицу и долгое время совсем не может писать; у него умирает мама; дочь не желает учиться в колледже, от души валяет дурака, а отцовские письма вскрывает с единственной целью - обнаружить внутри, между его нравочений, чек...

Фицджеральд нисколько не преувеличивал - именно так все и обстояло на самом деле. Просто закончился Век джаза. Отзвучал. Умолк, осмеянный новым поколением дельцов, которые считали, что деньги нужно зарабатывать, а не тратить, и которым претило само упоминание о творившихся недавно безумствах.

Америка все глубже погружалась в Великую депрессию, и аккорды веселой музыки теперь стали звучать бестактно, словно смех на похоронах. А Зельда и Скотт отдали себя другой эпохе. И когда это время ушло, им не оставалось ничего другого, как уйти вместе с ним.

Он умер в 1940 году от сердечного приступа в возрасте 44 лет над рукописью неоконченного романа *«Последний магнат»*. По иронии судьбы это произошло в квартире очередной любившей его женщины, кинокритика **Шейлы Грэм**...

Зельда пережила Скотта на 8 лет. В 1948 году состояние ее здоровья немного улучшилось. Она даже на несколько дней приехала из лечебницы навестить родных в Монтгомери. Перед отъездом, когда вся семья сидела за столом, Зельда вдруг произнесла:

- *Можно не торопиться, мама! Поезд все равно опаздывает.*

- *С чего ты взяла?* - спросила миссис Сейер.

- *Как с чего? Скотт же только что об этом сказал!*

На мгновение в комнате воцарилась мертвая тишина. Кто-то из родственников смущенно кашлянул.

- *А вы что, разве ничего не слышали?* - Зельда изумленно обвела глазами присутствующих. - *Мам, да вот же он сидит, слева от тебя!..*

А на вокзале ни с того ни с сего она тихо сказала Минни:

- *Не волнуйся, мама! Я не боюсь умереть. Скотт говорит, это совсем не страшно...*

Через несколько дней на территории психиатрического госпиталя Хайленд в Эшвиле случился пожар. Сгорел один корпус, погибло девять человек. И среди них - Зельда Фицджеральд.

Литература:

Его произведения:

1. Фицджеральд Ф. С. Избранные произведения: В 3 т. Т.3. - М.: Худ. лит., 1977.
2. Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. - М.: Менеджер, 2000. - 208 с.
3. Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби; Ночь нежна (пер. Е. Калашниковой); Рассказы. - М.: Художественная литература, 1985. - С.21-160.
4. Фицджеральд Скотт. Из писем // Вопросы литературы. - 1971. - № 2. - С.162-163.

О нем:

1. Батулин С. Фрэнсис Скотт Фицджеральд // Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби; Ночь нежна (пер. Е. Калашниковой); Рассказы. - М.: Художественная литература, 1985. - С.3-18.
2. Горбунов А. Н. Романы Скотта Фицджеральда: Автореферат на соискание степени... кандидата филологических наук. - М., 1972. - 16 с.
3. Горбунов А. Н. Романы Френсиса Скотта Фицджеральда: Монография. - М.: Наука, 1974.
4. Зверев А. Комментарии // Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби; Ночь нежна (пер. Е. Калашниковой); Рассказы. - М.: Художественная литература, 1985. - С.695-696.
5. Зверев А. Ненаступившее утро // Зверев А. Американский роман 20-30-х годов. - М.: Худож. лит., 1982. - С.35-54.
6. Зверев А. Фицджеральд // Писатели США. — М.: Радуга, 1990. — С.516-518.
7. Зверев А. Я последний романист...: Вступ.. ст/ Алексей // Фицджеральд. Ф.С. Записные книжки/ Френсис Скотт Фицджеральд. - М., Вагриус, 2001
8. Лидский Ю. Я. Творчество Эрнеста Хемингуэя. Изд. 2-е. — К.: Наукова думка, 1978. — 407 с.
9. Мышкина А. Зельда и Скотт Фицджеральд. По ту сторону рая/Анна Мышкина//Караван историй.- 2006.-№1.- Стр. 158-171.
10. Николюкин А. Н. Утраченные надежды (американская литература и крушение «американской мечты»). - М.: «Знание», 1984. - 64 с.
11. Олдридж Дж. После потерянного поколения. - М., 1981.
12. Сонькин В. Великий Гэтсби. Тоска по Европе // Русский журнал. - 1999. -№2.
12. Тернбулл Э. Скотт Фицджеральд. - М.: Наука, 1981.